

УДК 392.5

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

А.Р. Мухамадеев, кандидат исторических наук

Древнетюркской семье, ведущей пастушеское, кочевое хозяйство, были характерны патриархальные отношения¹. О патриархальном характере тюркской семьи, основанной на главенстве и авторитете отца, говорил и С.Максуди. При этом С.Максуди доказывает это не только на основе исторических источников, но и разбора терминов родства тюрков. Перечислив и проанализировав основные термины родства, он подчеркивает, что в самом архаичном из тюркских диалектов – чувашском насчитывается более 60 слов для выражения различных степеней родственных отношений, которые указывают на патриархальность тюркской семьи. Исследователь был вынужден отстаивать эту точку зрения потому, что в то время, по его словам, «...значительное число европейских и русских ученых пытаются обнаружить признаки матриархата в истории тюрков. Это может происходить только по той причине, что ученые представляют тюрков как некие первобытные племена, примитивную расу»².

О патриархальных отношениях в болгарском обществе VIII–X вв. писали Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин. Они отмечали, что сохранению этих родовых пережитков способствовала значительная роль скотоводческого хозяйства, которое обычно соединяется с устойчивым патриархально-родовым бытом³. В целом скотоводческое хозяйство, ведомое отдельной

семьей, предполагает патриархальные отношения. Волжские болгары продолжили традиции и нормы семейных отношений, построенных их древнетюркскими предшественниками. Булгары языческого периода, осуществляя постепенный переход к оседлости и земледелию, в этом отношении не представляли исключения.

Все же в татарских легендах, сохранившихся с болгарского периода, можно встретить намеки на пережитки матриархата. В легенде об Алып и возникновении города Булгара местность, где поселился Алып, была болотистая и покрыта дремучими лесами. После долгого скитания по лесам Алып вышел к берегу некоей реки, где жили люди, знавшие его язык, но совершенно другого рода. Невозможность найти обратную дорогу заставила Алып поселиться рядом с этими людьми. Наконец, Алып совершенно свыкся с этими людьми, позже выбрал невесту среди них и женился на ней. Таким образом, говорится в легенде, Алып окончательно обосновался здесь и стал считаться местным жителем⁴. Получается, что Алып становился полноправным членом общины, общества только при условии, если женится на девушке из этой общины. Последнее обстоятельство отчетливо говорит о некогда существовавшей матрилокальности брака у предков волжских болгар.

В этнографической литературе, посвященной свадебным обрядам

тюркских народов, имеются многочисленные указания на то, что после свадьбы новобрачная не переселялась в дом мужа, а продолжала жить у своих родителей. Обычай требовал, чтобы муж переселялся в дом жены на определенное время и строил для нее временное свадебное жилище, в большинстве случаев шалаш. В среде некоторых тюркских народов этот обычай имел иные формы: например, муж после брачных церемоний систематически навещал жену, которая продолжала жить в родительском доме. В этих фактах этнографы усматривают отражение древнего вида брака, возникшего еще при господстве матриархальных отношений⁵. У ряда народов, у которых матриликальный брак превратился в патрилокальный, древние формы свадебных обрядов постепенно исчезают или же сохраняются как пережитки, часто теряя первоначальный смысл и приобретая новое содержание.

Одним из пережитков матриликального брака у тюрков считалось строительство для новобрачных свадебного жилища. При матриликальном браке значительная часть свадебных обрядов совершалась в доме невесты, там же начиналась супружеская жизнь новобрачных. Однако с течением времени матриликальные отношения стали вытесняться патрилокальными, в связи с чем изменился и практически весь брачный церемониал. При патрилокальном браке большая часть свадебных обрядов посвящается таким важным моментам, как увоз невесты в дом мужа, появление ее в новой семье, первая брачная ночь, открытие лица молодой и приобщение ее к домашнему хозяйству. В связи с этим потерял свой первоначальный смысл и обряд сооружения свадебного жилища, постепенно превратился в свадебный стол для угощения людей, приехавших с

женихом, а затем становился местом свадебных веселий⁶.

П.В. Денисов, считавший единственными предками волжских болгар чувашей, сделал попытку выявления неких материальных и духовных этнокультурных параллелей чувашей и современных дунайских болгар. Описывая брачные традиции чувашей, он приводит в пример обычай, когда в доме невесты режут барана для угощения людей жениха и угощение проводится в *шилке* (временное свадебное сооружение во дворе дома невесты). У марийцев существовали аналогичные обряды (по-марийски *шиллек*), когда во дворе дома невесты людьми со стороны жениха устраивались праздничные столы. Пока они распоряжались всем, отец невесты изолируется, что объясняется тем, что «действие происходит» при матриликальном браке, когда отец невесты не играет никакой роли. По мнению П.В. Денисова, идентичность названия значительной части содержания этого свадебного обряда у чувашей и мари, по-видимому, объясняется тем, что он унаследован ими от волжских болгар. От волжских болгар, продолжает он, этот обряд восприняли и казанские татары, но под влиянием ислама был перенесен из их свадебной обрядности в обряды *сабантуя*, связанного с весенне-полевыми работами⁷.

Действительно, у некоторых групп татар Поволжья этот обряд имел место быть. Более устойчиво он сохранился у кряшен под названием *шийлык*, у татар-мусульман восточных районов Татарстана он известен как *шолок*, а у татар Закамья он не бытовал⁸.

Однако наличие в памятниках устного народного творчества сюжетов и моментов, связанных с пережитками матриархата и матриликальности брака, не может свидетельствовать об их существовании в Волжской Болга-

рии. Тем более что приведенные нами примеры из народного фольклора, по мнению ученых, уже бытовали в исследуемый нами период. Болгарское общество задолго до этого времени было патриархальным. По утверждению этнографов, традиционным для татарской семьи было патрилокальное поселение. Примачество, не характерное для татар, являлось отступлением от нормы, считалось позорным явлением. Сохранилась народная поговорка: «Йортка кергәнче – утка кер», т.е. «Лучше войди в огонь, чем зятем в дом»⁹.

В эпических сказаниях и легендах пережитки матриархата у волжских болгар проявляются в брачных поединках героев с невестами, в образах богатырских дев. В огузской версии Алпамыша состязание жениха с невестой и братом невесты – два параллельных варианта брачных состязаний. Калым, назначенный братом, дублирует брачное состязание, будучи своеобразной разновидностью тех «трудных задач», которые жених выполняет в некоторых случаях, нередко с помощью свата. Менее существенно кажущееся противоречие между обручением жениха и невесты с колыбели и брачными состязаниями между ними: в богатырской сказке провиденциальная связь между богатырем и его «суженой» не только не исключает последующего испытания жениха, но, скорее, предполагает его. В кипчакской (башкирской) Алпамыш схватывается в брачном поединке с Барсын-хылу, побеждает ее и делает женой. В одном из рукописных вариантов татарской версии Алпамыша описывается наиболее древняя, отраженная в эпических произведениях форма брака. Прежде чем согласиться на брак, Сандугач ставит условие: она выйдет замуж только за того, кто победит ее в состязании¹⁰.

В чувашских легендах об Улыпте также прослеживаются пережитки

матриархата и господство патриархата, древний охотничий и кочевнический быт предков чувашей, переход их к оседлости, подсечному, затем пашенному земледелию, строй военной демократии, возникновение классового неравенства, государства¹¹. В начале легенды Улып был прикован к скале навечно за невыполнение заветов отца – Аслади. Сыновья, в свою очередь, обещали Улып исполнить его заветы и держать путь на север. Последнее обстоятельство говорит о развитии патриархальных отношений и возрастающей роли отца в обществе.

О несомненном существовании власти отца и мужа в болгарском обществе и семье Б.Д. Греков и Н.Ф. Калинин справедливо видят в текстах Ибн Русе и Ибн Фадлана¹². Ибн Русе говорит о бургасах, что жених, выбранный девушкой, приходит к ее отцу, «сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество»¹³. Ибн Фадлан сообщает, что через два года после похорон болгарина «родственники умершего созовут званый пир, посредством которого дается знать об окончании траура, и если у него была жена, то она выйдет замуж»¹⁴. Установление двухгодичного траурного срока для женщин говорит не только о власти мужа в семье, но и авторитете мужчин как глав семей в болгарском обществе.

Указанные обстоятельства находят свое подтверждение и в древних памятниках устного народного творчества. В татарской версии Алпамыш, находясь в заточении в зиндане, просит своего друга через решетку передать жене Сандугач, чтобы ждала его пять лет. Если он (Алпамыш) не возвратится через пять лет, Сандугач становится свободной женщиной и будет вольна распоряжаться своей дальнейшей судьбой¹⁵. В других типологически архаичных вариантах татарской версии Алпамыш, оставляя жену, также

назначает определенный срок, в течение которого жена должна ждать мужа¹⁶. Во всех случаях Алпамыш как законный муж фактически сам устанавливает срок, согласно которому брачные узы могут быть расторгнуты супругой в одностороннем порядке. В эпосе об Алпамыше отражается и авторитет отца, его главенство в семье. Жена героя Сандугач в течение всего срока отсутствия сохраняет верность своему мужу. Тем не менее она находится во власти отца, который собирается выдать ее вновь замуж¹⁷.

Нормы, регламентирующие порядок вступления в брак в болгарском обществе, были весьма сходны с нормами многих тюркских народов, не только современных им, но бытовавших в разные периоды. Семья создавалась в результате церемонии бракосочетания (свадьбы, женитьбы). Сообщение Ибн Фадлана не оставляет сомнений в том, что болгары устраивали полноценные свадьбы. При этом правитель болгар получал от этих свадеб положенные ему подношения, исходя из размеров пиршества¹⁸. Несмотря на то, что мед (медовый напиток) или скот, получаемые правителем при болгарских свадьбах, тракуются как налоги, одновременно они похожи на подношения, «подарки» с целью разрешения и благословения бракосочетания со стороны власти. Вместе с тем свадьба, в отличие от бракосочетания мусульманского образца, не имела религиозный оттенок, а была специальным торжественным актом соединения двух людей в целях создания новой семьи.

Инициатива сватовства у древних тюрков принадлежала мужчинам¹⁹. Впрочем, способы приобретения невест у тюрков, в том числе и болгар, не исчерпывались только сватовством. Н.В.Никольский выявил следующие исторически сложившиеся формы заключения брака у чувашей XIX – на-

чала XX в.: «1) по предварительному согласию и договору с невестой и ее родителями, 2) женитьбы через похищение невесты. Сватун договаривается относительно калыма»²⁰.

Г. Ахмеров, изучавший историю семейно-брачных взаимоотношений и свадебных обрядов казанских татар, указывал на три способа приобретения невесты: 1) похищение путем насильственным, т.е. против воли как самой девушки, так и ее родных; 2) добровольный уход девушки из родительского дома к жениху – по обоюдному с ним соглашению, но без ведома и согласия родителей; 3) в порядке обыкновенного сватовства, по воле и предварительному соглашению родителей сторон. При этом исследователь отмечал, что как способы приобретения невесты, так и свадебные обычаи татар представляют резкие отличия от обычаев и обрядов прочих их соплеменников и имеют большое сходство с обрядами прочих инородцев (чувашей, черемис, мордвы и вотяков), что указывает на их близкое соседство с древнейшими времен и взаимное влияние²¹.

Первый способ, т.е. похищение девушки, наиболее древний и первобытный, называемый у татар «кыз урлау» («кража девушки»), редко, но еще практиковался до недавнего времени. Косвенные источники, в виде фольклорных памятников, позволяют нам подтвердить его бытование у болгар. В одном из вариантов татарской легенды болгарского периода о богатыре Иделе и красавице Акбикэ говорится, что на берегу реки Ширбетле находился большой город, где в роскошном дворце проводил дни хан. Жена его Фатима была искусной и бесстрашной чародейкой. Единственная дочь Акбикэ была красавицей, но из-за матери юноши обходили дворец стороной. Не испугался только богатырь Идель, влюбившийся в Акбикэ.

Однажды, набравшись храбрости, он выкрал девушку, чтобы навсегда быть с ней. Несмотря на требования матери, он отказался вернуть девушку²².

Г.Губайдуллин в 20-х гг. XX века, ссылаясь на знатоков обычаев местного татарского населения, указывал на древний обычай умыкания девушек с последующим их изнасилованием. «Обычай этот, говорил он, имеет чисто экономическую основу – невозможность для бедного человека уплатить при свадьбе значительный, требуемый обычаем калым. Умыкание часто происходит с согласия самой невесты»²³.

Возможно, древность и традиционность этого обряда до недавнего времени давали тем народам, у кого он существовал, основания считать его не только законным деянием в своем сообществе, но и выше официальных и религиозных установлений. Так, по убеждению чувашей, пока не выполнен установленный отцами и дедами ритуал и пока на голову молодой еще не был возложен сурбан, молодые не могли вступать в супружеские отношения, хотя до этого и могли быть обвенчаны в церкви. Наоборот, брак, совершенный через умыкание, давал полное право на вступление в супружеские отношения, если даже не были обвенчаны²⁴.

Второй способ приобретения невесты, т.е. ее уход к жениху по обоюдному с ним согласию, называемый у татар «ябышып чыгу», «чыгып киту», «чыгып бару» – также очень древний. По свидетельству Ибн Русте, он был широко распространен у буртасов. Арабский путешественник писал: «Девушка у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама, по желанию своему, выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в

замужество»²⁵. Сведения о тех же самых обычаях буртас можно встретить и в тексте ал-Бекри: «И когда у них девушка достигнет совершеннолетия, то у отца ее нет больше власти над ней: она избирает себе мужем кого хочет»²⁶.

Как утверждал Г. Ахмеров, большинство браков татар конца XIX – начала XX веков совершались именно по этому способу. Сложилась и соответствующая поговорка: «Углым кемне сойсэ – киленем шул булыр» (Кого сын полюбит – та и будет снохой), «Кызым кемне сойсэ – киявем шул булыр» («В кого дочь влюбится – тот и будет женихом»). Такой способ брака, основанный на взаимной любви, ничем не стесняет желающих вступить в брак: ни временем, ни возрастом, ни расходами, не нужно ждать даже очереди (пока не женится старший брат, или не выйдет замуж старшая сестра)²⁷.

В данном случае получается, что одни нормы обычного права (право добровольного ухода девушки к жениху) могут перекрывать другие (право старшинства при вступлении в брак и пр.). Однако эти коллизии, судя по сообщениям Ибн Русте, решались вполне мирно. Так, буртасский жених, к которому ушла невеста, в конце концов, все равно должен был явиться к ее отцу и уладить с ним спорные вопросы.

В случае приобретения невесты третьим способом, т.е. в порядке обыкновенного сватовства, жених и невеста могут быть как знакомы, так и совсем не знать друг друга до брака, живут в разных селениях. Сватали как уже взрослых юношей и девушек, так и несовершеннолетних. В целом Г. Ахмеров приводит параллели между древними способами и обрядами приобретения невест и сватовства татар, чувашей, черемис, мордвы и вотяков, что, по его мнению, может по-

мочь в вопросах, касающихся истории болгар и их соотношения с другими народами Поволжья²⁸.

Неизвестный автор «Булгарийа», истории Булгара, начиная с основания государства Волжской Болгарии до создания Казанского ханства, сообщает, что если молодой человек хотел жениться на девушке, то он непременно должен был спросить разрешения ее родителей. Независимо от того, любила она его или нет, девушка могла выйти замуж только с согласия родителей²⁹.

Сватовство – древний брачный договор, весьма распространенный у большинства народов мира, с некоторыми разновидностями и вариантами. Среди тюрков был распространен и обычай сватовства малолетних или еще даже не родившихся детей, что дает возможность применить этот обычай и к волжским болгарам языческого периода. Большинство вариантов тюркского лирико-эпического сказания «Кузы-курпач и Баян-сылу», происхождение которого отнесено примерно к X веку, начинается с того, что во время охоты двое друзей договариваются о женитьбе своих будущих детей, если у одного из них родится сын, а у другого дочь. В целом этот мотив сватовства малолетних, или еще не родившихся детей также является международным, но более характерным для фольклора тюркоязычных народов. Исследователи утверждают, что подобный обычай существовал и среди казанских татар³⁰.

Против воли своей матери Кузы женился на Баян-сылу, несмотря на то, что их разлучили еще в малолетстве, и они даже не знали имени друг друга. Это объясняется тем, что отец Кузы перед гибелью договорился с отцом девушки Кара-ханом женить своего сына на его дочери. Нарушение его последней воли, завещания было бы оскорблением памяти отца,

кощунством. Беспрекословное выполнение заветов предков явилось одним из важнейших условий возникновения и формирования многих обрядов и обычаев, которые со временем превратились в неписанные нормы права. Изначально зарождение и закрепление подобного закона было связано с древнейшими взглядами людей, со страхом перед умершими, с почитанием культа предков. Преодолевая труднейшие преграды, Кузы всю жизнь борется за выполнение желания отца и требований древнего обычая. Желание родителей женить Кузы на Баян, по мнению ученых, основывалось и на стремлении к объединению родов, созданию крупных племенных образований³¹.

Изложенное позволяет понять, что поступки героя мотивированы не чувством привязанности или любви к невесте, сколько определяются требованиями норм обычного права, условиями древних обычаев и обрядов, социально-экономическими причинами, особенностями семейно-брачных и родственных отношений.

В преданиях балкарцев, по мнению историков, являющихся потомками так называемых «черных болгар», оставшихся после хазарского нашествия на приазовскую Великую Болгарию на территории Северного Кавказа, также имеются свидетельства о наличии у болгар брачного договора. В сказании «Два парня» двое мужчин, у одного из которых был сын, а у другого дочь, намеревались заключить между собой брачный договор. Однако незадолго до этого умирает отец парня и сторона девушки заключает договор с другим парнем. В первую брачную ночь девушка сообщает новому жениху о своем обещании первому парню, после чего жених отводит ее к нему, но последний решает вернуть невесту жениху невредимой³². Факт возвращения невесты вторым женихом пер-

вому парню по ее требованию говорит об авторитете брачного договора (пусть даже не состоявшегося), о попытке восстановить справедливость и закон.

В татарской версии Алпамыш, чтобы выбраться из заключения, обещает дочери враждебного хана Кылтапа, бросившего его в зиндан, жениться на ней. Однако после того, как с ее помощью выбирается из зиндана, Алпамыш тайно сбегает из дворца хана Кылтапа и направляется к жене Сандугач³³. Здесь мы видим отголоски, пусть вынужденного, но устного брачного договора, который заключается непосредственно между женихом и невестой, не учитывающей мнение родителей (т.е. вторая форма приобретения невесты, по Г.Ахмерову). Надо думать, что обман Алпамыша и его побег «из-под венца» – это на-

слоение, связанное с чисто сюжетной линией эпоса.

В итоге мы можем заключить основные положения данной статьи, предполагающей семейно-брачные взаимоотношения волжских болгар. Булгарская семья была патриархальной. Семья создавалась в результате торжественного бракосочетания (свадьбы). Брак был патрилокальным, примачество было не характерно болгарскому обществу. Существовали три исторически сложившихся способа приобретения невесты – похищение (умыкание), добровольный уход девушки из семьи по обоюдному согласию, обыкновенное сватовство. Как правило, заключался брачный договор со всеми вытекающими последствиями (калым и т.д.). Сватовство могло производиться и в отношении малолетних детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – С. 73.

² Садрн Максуди Арсал. Тюркская история и право. Пер. с турецкого Р. Мухаммедина. – Казань: «Фэн», 2002. – С. 270–271.

³ История Татарской АССР. Т. I. – Казань: Таткнигоиздат, 1955. – С. 63–64.

⁴ Алпнын тормышы һәм Болгар шәһәрәнен салынуы / Борынгы татар әдәбияте. – Казан: СССР фәннәр академиясе Казан филиалы тел, әдәбият һәм тарих институты, 1963. – С. 23–24; Устные предания о городе Булгар / Сказания о Казани. Легенды и предания. – Казань: Библиотека журнала «Казань» – № 2, 1992. – С. 13–14.

⁵ Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1969. – С. 143.

⁶ Денисов П.В. Этнокультурные параллели... С. 147.

⁷ Денисов П.В. Этнокультурные параллели... С. 150–151.

⁸ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С. 305, 370.

⁹ Этнография татарского народа. – Казань: Магариф, 2004. – С.115.

¹⁰ Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – С. 75, 85–86, 124.

¹¹ Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч.1. О жизни и борьбе народа с древних времен до XVI века. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1983. – С. 15–16.

¹² Материалы по истории Татарии. Вып.1 /Отв. ред. И.М. Климов/. – Казань: Таткнигоиздат, 1948. – С. 173.

¹³ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. – С. 21.

¹⁴ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – С.140.

- ¹⁵ Алпамша / Борынгы татар әдәбияте... С. 42.
- ¹⁶ *Жирмунский В.М.* Сказание об Алпамыше... С. 126.
- ¹⁷ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. – С. 127.
- ¹⁸ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана... С.136.
- ¹⁹ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки... С. 73.
- ²⁰ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чувашей. – Казань: Типографический класс О.Г. Люстрицкой, 1908. – С. 85.
- ²¹ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды. – Казань: Татарское книжное издательство, 1998. – С. 191–192.
- ²² Богатырь Идель и красавица Акбикэ / Пусть нам лешие попляшут, попоют... Татарские мифы и легенды. – Казань: Библиотека журнала «Казань» – №3–4, 1992. – С. 3; Иделнен Акбикэне урлавы / Борынгы татар әдәбияте. – Казан: СССР фәннәр академиясе Казан филиалы тел, әдәбият һәм тарих институты, 1963. – С. 35–36.
- ²³ *Мухаммадеев А.Р.* Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР. – Казань: Издательство ДУМ РТ, 2009. – С. 76–77.
- ²⁴ *Никольский Н.В.* Краткий конспект... С. 88.
- ²⁵ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах... С. 21.
- ²⁶ *Куник А.* Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878. – С. 62.
- ²⁷ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды... С. 194–195.
- ²⁸ *Ахмеров Г. Н.* Избранные труды... С. 211.
- ²⁹ *Ален Дж. Франк.* Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – С. 197.
- ³⁰ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа... С. 173.
- ³¹ *Урманчиев Ф.И.* Героический эпос татарского народа... С. 176–177.
- ³² Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / Под ред. А.Ю. Бозиева. – Нальчик: Кабардино-балкарское книжное издательство, 1962. – С. 107–108.
- ³³ Алпамша / Борынгы татар әдәбияте. – Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1963. – С. 42.

Аннотация

Статья является попыткой выявления принципов и норм семейно-брачных отношений волжских болгар доисламского периода. На основе исторических источников в отношении волжских болгар, других близкородственных тюркских народов дается предварительная оценка их семейно-брачных отношений. Статья подкреплена примерами из памятников устного народного творчества соответствующего периода, а также этнографическим материалом в отношении казанских татар и чувашей.

Ключевые слова: волжские болгары, древние тюрки, семья, брак, патриархальность, матриархат, патрилокальность, матрилокальность, сватовство, калым, брачный договор.

Summary

The article is an attempt to identify the principles and norms of family relations of the Volga Bulgars in the pre-Islamic period. On the basis of historical sources on the Volga Bulgars and other closely related Turkic peoples, the preliminary assessment of their family relations is given. The article is supported by examples from the monuments of the folklore of the relevant period as well as the ethnographic material in respect of the Kazan Tatars and Chuvash people.

Keywords: Volga Bulgars, the ancient Turks, family, marriage, patriarchy, matriarchy, patrilocality, matrilocality, matchmaking, dowry, marriage contract.